

С. З. Гончаров

S. Z. Goncharov

РГППУ, Екатеринбург

RSVPU, Yekaterinburg

ЦЕННОСТИ И ТРАДИЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

VALUES AND TRADITIONS OF NATIONAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

***Аннотация.** Раскрываются традиции и ценности отечественного образования, которые производны от ментальности народа России.*

***Abstract.** The article describes the traditions and values of the national education, which is derived from the mentality of the Russian people.*

***Ключевые слова:** ментальность, образование, традиция, целостность духовного акта, теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетическое созерцание, истина, добро, красота.*

***Keywords:** mentality, education, tradition, spiritual integrity act, theoretical thinking, productive imagination, aesthetic contemplation, the truth, goodness, beauty.*

В своеобразии отечественного образования выражаются особенности народной ментальности, которая сформировалась в процессе исторического развития под влиянием географических условий, общественного уклада жизни народа, религии, культуры в целом. Ширь и бескрайняя даль русских равнин сформировали панорамность сначала созерцания, а затем и умозрения, широту души, масштабность планов. Сельская община на протяжении веков утверждала человека, умеющего осознавать свои дела и поступки с позиций «сельского мира», преодолевая соблазны эгоизма. Православие своим учением о Святой Троице, в которой каждая ипостась нераздельна, но и не слиянна, дало мирянину органон в земной жизни: умение за «моим» и «твоим» видеть «наше», за многими *Я – МЫ*, за интересом групповым – интерес всенародный и государственный. Вселенское дыхание православия воспитало в русском человеке «всемирную отзывчивость» (Ф. М. Достоевский), укрепив широту воззрений.

Евангельская весть о равноценности достоинства каждого человека независимо от его пола, национальной принадлежности и социального положения вознесла народное самосознание до главного: если на уровне отдельного человека православие воспитало *совестливость* и *любящее сердце*, то на уровне общественном – *жажду справедливости*. Поэтому народ России горячо откликнулся на коммунистический проект, согласно которому свободное развитие каждого есть условие развития всех. И вот в лоне такого главного вызревала русская литература, воспитывающая цельность души, для которой истина, добро и красота нераздельны и несостоятельны в отрыве друг от друга. Русская литература превратилась в понятную для всех слоев России народную и образно представленную *философию жизни*. Сама же философия развивалась как «кардиогнозия», как сердечное понимание и созерцание и отшлифовалась к XIX–XX вв. как *аксиология* жизни – учение о ценностях бытия человека, семьи, воспитания, Родины, государства, права, труда, собственности, воинского дела. Тернистый путь России в истории, на протяжении которого две трети своей жизни народ провел в оборонительных войнах, сформировали терпимость, стойкость под ударами невзгод, верное и грозное служение Отечеству.

О характере русского народа, о строении его душевно-духовного акта (менталитете), каким он творил свою жизнь и культуру, проникновенно и верно писали Б. П. Вышеславцев, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, И. В. Киреевский, Н. О. Лосский, А. С. Хомяков [6].

И. А. Ильин гениально выразил духовный акт русской культуры и жизни в статье «О русской идее» и конкретно рассмотрел его в иных работах [3, 4]. Эта творческая идея России формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях. «Русская идея, – подчеркивал И. А. Ильин, – есть идея *сердца*. <...> Сердца, созерцающего *свободно и предметно*; и передающего свое видение *воле* для действия и *мысли* для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию» [2, с. 420].

В российской ментальности И. А. Ильин выделяет силы первичные и вторичные: первичные силы (сердце, созерцание, свобода, совесть) «опре-

деляют и ведут», а вторичные силы (мысль и воля, форма и организация) «вырастают из них и приемлют от них свой закон» [2, с. 428]. На громадном историческом и художественном материале мыслитель убедительно обосновывает такое строение национального духовного акта, которое определяет самобытность русского народа.

Западный менталитет имеет иное строение: в нем рационально-волевое начало доминирует над духовно-ценностным; в этом сказывается 400 лет фабрично-заводской капиталистической муштры.

Первенство сердца в русской ментальности имеет издержки в том смысле, что в реализации поставленных целей эмоции часто уводят мысль и волю в сторону, поэтому задачей воспитания является развитие последовательности в мышлении и твердости воли в реализации задуманного: «...нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – *свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации* [2, с. 426].

В духовном акте русской культуры эмоционально-ценностное начало преобладает над рационально-волевым формализмом. И. А. Ильин убедительно раскрывает это на материале православия, отечественной науки и искусства.

Созерцательность, о которой писал философ, дарует способность схватывать целое. В русской науке сложился метод живого *творческого созерцания предмета как целостности*. Такое созерцание не отменяет логику, а наполняет ее живой предметностью, не попирает факты и законы, а схватывает целое в частях. А кто понимает целое, тот понимает и назначение частей. Отсюда следует фундаментальность русской науки, которая была духовно зрячей, а не слепой: она не застревала на внешней стороне предмета (эмпиризм), не убивала рассудочной формалистикой его живую органику (рационализм), но творческим созерцанием схватывала целое в частях – «организм» природы, «экономический организм» страны, целостную жизнь изучаемого языка, дух и судьбу народа за историческими деталями.

Метод русской науки – это духовное созерцание целостности предмета. Из этого метода следует масштабность русской научной мысли, соединенной с живой конкретностью, будь то историография (И. Е. Забелин, В. О. Ключевский, С. М. Соловьев), педагогика (К. Д. Ушинский), медицина (Н. И. Пирогов), естествознание (В. И. Вернадский, Д. И. Менделеев) или русская математическая школа.

Целостность схватывается только созерцанием. Понятия как деньги. Деньги, не обеспеченные товарами, подвержены инфляции. Понятия, не обеспеченные творческим созерцанием предмета, вырождаются в пустую формалистику. Сколько ни говори «система, система», без творческого предметного созерцания образ целого в его конкретности не появится. Чем больше в нашей стране издавалось работ о «системном методе» в 70–80-е гг. XX в., тем более формальными становились и философия, и ее прикладные исследования. Без творческого созерцания омертвевает всякий метод – и диалектический, и системный, и синергетический.

Русская классическая философия была столь же фундаментальной, потому что она исходила из духовного созерцания, творческой свободы, предметной конкретности и ответственности. Ее творческий характер, ее гениальные прозрения, ее глубину в изложении ценностных основ духа, богопознания, нравственности, искусства, правосознания и государства, труда и собственности, семьи и воспитания, национального самосознания и Родины, культуры и хозяйства можно объяснить тем, что творцы этой философии (С. Н. Булгаков, Ф. М. Достоевский, И. А. Ильин, И. В. Киреевский, К. Н. Леонтьев, Н. О. Лосский, В. С. Соловьев, С. Л. Франк, А. С. Хомяков и др.) вобрали своим духовным актом от православия чувство совершенства, определяли им значение событий и синтезировали именно им конкретный материал жизни и духа в целостную картину богопознания и миропонимания. Русская философия была и будет постижением совершенства в акте сердечного созерцания, которое наполняет логику живой предметностью и выражается в конкретном понятийном мышлении.

Русское искусство, подчеркивал И. А. Ильин, призвано развивать «...тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководствовалось доселе. <...> У русского художества *свой национальный творческий акт*: нет русского искусства без горящего сердца... без сердечного созерцания, без свободного вдохновения... без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формой и ритмом» [2, с. 429]. Под «предметом» мыслитель понимал Дело, объективно лучшее по содержанию, достойное духовной сущности человека. Он пишет: «Жить предметно – значит связывать себя (свое сердце, свою волю, свой разум, свое воображение, свое творчество, свою борьбу) с такой ценностью, которая придаст моей жизни *высший, по-*

следний смысл. Мы все призваны к тому, чтобы найти эту ценность, связать себя с нею и верно осмыслить ею наш труд и направление нашей жизни. Мы должны увидеть оком сердца предметное значение и назначение нашей жизни. Ибо в действительности мы все служим некоему высшему Делу на земле... – “прекрасной жизни” по слову Аристотеля, “Царству Божьему” по откровению Евангелия» [1, с. 182]. Знания и технологии есть лишь средства предметной любви, предметной воли и предметного дела.

Русская культура цвела тогда, когда она творилась стремлением любящего сердца к совершенству, сердечным созерцанием скрытых гармоний. Русская культура обретет второе дыхание, если она унаследует в XXI в. качественный дух совершенства и свой духовный акт – акт творческого созерцания, который исходит из любящего сердца и поставляет материал мышлению для оформления и воле для осуществления и организации. Учение И. А. Ильина о сердечном, творческом духовном созерцании достойно войти в золотой фонд философии, эвристики, акмеологии, культурологии и заслуживает развития.

Вышеизложенное проясняет традиции и ценности отечественного образования в досоветский и советский периоды.

Во-первых, это *первичность воспитания по отношению к обучению*: воспитание культивирует ценностное самосознание личности, а обучение дает информационную и технологическую подготовку. Ценности направляют и ведут, содействуют самоопределению личности, выбору ею образа своего Я, образа жизни и жизненного пути. Добровольно принятые ценности составляют самоидентификацию личности. Воспитание вне обучения будет пустым, а обучение вне воспитания станет духовно слепым, ибо обучение само по себе дает в распоряжение человека «...технические умения, которыми он – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять»; бессердечная «...формальная “образованность” вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [1, с. 179], то «шкурничество», то «беспринципную изворотливость», тот «циничнейший эгоизм», при которых невозможны «культурное творчество», общественное строительство», понимание высшего измерения вещей, дел и людей [1, с. 183]. Практический эгоцентрист и циник, не ведающий высшего смысла, будет существом социально опасным.

Во-вторых, это направленность образования на *целостность способностей личности*. Характерным для русской философии XIX–XX вв. явля-

ется учение о цельности души и о цельном знании (Ф. М. Достоевский, И. В. Киреевский, В. С. Соловьев, А. С. Хомяков), о целостном духовном акте (И. А. Ильин, Н. О. Лосский и др.). Целостный духовный акт есть *взаимная дополнительность и согласованность главных духовных сил* – мышления, понимающего объективную истину; нравственной воли, ориентированной на сотворение добра, а не зла; эстетического созерцания и продуктивного воображения, воспринимающих красоту; одухотворенной веры, устремленной к предельным и совершенным ценностям; совести, оценивающей помыслы и деяния с позиций должного совершенства; любящего сердца, способного воспринять лучшее, избрать его и жить им. Срастаясь воедино, эти способности образуют *целостный духовный акт*, в котором «соло» каждой из них дополняется «хором» всех остальных; возникает «симфония духа», дарующая полноту миропереживания и миропонимания, произвольное творчество и радостную самореализацию. Как внешние органы чувств, дополняя друг друга, порождают целостный чувственный образ, так и главные духовные силы, обогащая друг друга разной духовной модальностью, позволяют обрести целостное миропонимание, свободное от односторонних крайностей.

Разъединение духовных сил порождает «частичный» духовный акт: мышление в отрыве от воображения, совести и любви создает картину механической Вселенной, фабрично-заводской или рыночный взгляд на человека; воля сама по себе утверждает одну дисциплину и организацию, полицейское государство, антисоциальный капитализм; воображение вне совести эстетизирует пороки; вера вне мышления впадает в иллюзии, порождает химеры и галлюцинации; инстинкт вне идеала разнуздывает подсознательные «ночные» силы души и т. д.

Единство духовных сил – необходимая *предпосылка продуктивного творчества*: за умением специалиста оптимально решать профессиональные задачи скрываются развитое логическое мышление, продуктивное воображение, эстетический вкус, честность и ответственность, столь важные для профессиональной надежности. Установка на воспитание всесторонне развитой личности доминировала и в советский период в педагогике, философии, в организации внеучебной деятельности и общения студентов.

Целостность продуктивно-творческих сил принципиально важна для педагогического образования, включая психологическую подготовку. Ибо педагоги, психологи призваны быть на ряд уровней выше в области богат-

ства духовной палитры, чтобы поэтапно воспитывать умения мыслить и переживать. И. А. Ильин советовал: «Человек должен обрести в себе свою цельность. Он должен собрать... разлетевшиеся органы своего духа, оживить их и восстановить заново. Человеческий разум должен снова и снова пробиваться к вере, поборов в себе ложный стыд перед собственным сердцем. Мысль должна примириться с творческим и снова стать созерцательной, интуитивной, провидческой. Аутентичная фантазия должна пройти школу предметной интенции и духовной ответственности. Формальная, безудержная воля должна подчиниться совести и сердцу. <...> Тогда разум обретет способность к созерцанию и станет разумом, а созревающий разум станет повиноваться сердцу, так что все пути будут вести к сердцу и исходить из сердца. Сердечное созерцание, совестливая воля и верующая мысль – вот три великие силы грядущего, которым будут по плечу все проблемы бытия; они-то и создадут человека, обладающего творческой цельностью» [5, с. 438–439].

В-третьих, это *фундаментальность образования*: его основательность, последовательность, системность и полнота. Эта особенность была присуща и советской системе образования от школы до вуза. Школьники имели отличную математическую подготовку. Студенты вузов осваивали философию как минимум один год, благодаря чему их мышление становилось категориальным, способным схватывать за чувственным многообразием единство сущности, за различиями – тождество, за пестротой наличной реальности – ее всеобщие связи, которые, как нервные нити, соединяют части в целое. Ныне на изучение философии в вузе отведено 40 ч, а из подготовки аспирантов философию вообще убрали. В итоге члены ВАК жалуются на резкое снижение методологического уровня диссертаций, в которых замелькал «полипарадигмальный подход», т. е. присутствует эклектика.

В-четвертых, это традиция, вытекающая из предыдущей, – хорошая *гуманитарная подготовка* в досоветских гимназиях, советских школах и вузах независимо от профиля специальности. В России во все времена культурный человек ассоциировался с хорошей гуманитарной подготовкой. Там, где процветает такая подготовка, всегда появляются выдающиеся физики и инженеры, ибо гуманитарная подготовка превращает культуру в способности индивидуальности, воспитывает всеобщие по значению общекультурные способности – теоретическое мышление, продуктивное воображение, эстетический вкус и др.

В-пятых, это высокая степень престижности, *общественной ценности образования* в России царской и советской. Государство понимало: школа и вуз определяют собой духовно-нравственный, культурный и профессиональный потенциал страны.

Этим традициям и ценностям противостоят нескончаемые реформы образования в современной России:

- обучение все сильнее теснит воспитание, а технологический компонент становится главным в рамках так называемого компетентного подхода; преподаватели превращены в пролетариев методического бессмысленного труда до такой степени, что студенты мешают им писать нескончаемые отчеты перед очередными «самообследованием» и «мониторингом» и обновлять учебно-методические комплексы по сотне учебных дисциплин с появлением все новых стандартов образования;

- образ целостной индивидуальности заменен многофункциональным ролевиком в социальной и технологической машине;

- фундаментальность образования в вузе тихо скончалась от замены специалитета бакалавриатом и магистратурой; прежние основательность, последовательность, системность и полнота стали недостижимы при резком сокращении учебного времени, при прямой зависимости заработной платы преподавателей от оплаты обучения студентами;

- хорошая гуманитарная подготовка независимо от профиля специальности тоже приказала долго жить путем сокращения перечня преподаваемых гуманитарных дисциплин и времени на их освоение;

- степень престижности, общественной ценности образования в России упала настолько, что преподаватели кафедр вузов стареют, в аспирантуру поступает примерно 20 % от числа поступавших в советский период, существует проблема набора в магистратуру;

- в целом происходит намеренный демонтаж традиций отечественного образования, продуманное, год от года усиливающееся разрушение самих основ образования, особенно вузовского.

В заключение отметим следующее. Традиции отечественного образования (исключая перманентные реформы и разные «оптимизации» последних 25 лет) можно представить обобщенно так: культурный человек, нравственная личность, творческая индивидуальность, профессионально компетентный специалист, социально компетентный гражданин и патриот Отечества, открытый к живому взаимобмену с культурами иных народов.

Список литературы

1. *Ильин И. А.* О воспитании в грядущей России / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 томах. Москва: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 2. С. 178–192.
2. *Ильин И. А.* О русской идее / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 томах. Москва: Русская книга, 1993. Т. 2, кн. 1. С. 419–431.
3. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: в 10 томах / И. А. Ильин. Москва: Русская книга, 1996. Т. 6, кн. 2. 672 с.
4. *Ильин И. А.* Собрание сочинений: в 10 томах / И. А. Ильин. Москва: Русская книга, 1997. Т. 6, кн. 3. 560 с.
5. *Ильин И. А.* Стань цельным / И. А. Ильин // Собрание сочинений: в 10 томах. Москва: Русская книга, 1998. Т. 8. С. 433–439.
6. *Копалов В. И.* Самобытный характер русского народа / В. И. Копалов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. 276 с.

УДК 377.184:62

**Е. В. Журавлева,
С. А. Лысуенко**

**E. V. Zhyravleva,
S. A. Lysuenko**

*НТГПК им. Н. А. Демидова, Нижний Тагил
NTGPK named after N. A. Demidov, Nizhniy Tagil*

СОЗДАНИЕ СТУДЕНЧЕСКОГО КОНСТРУКТОРСКОГО БЮРО В КОЛЛЕДЖЕ КАК УСЛОВИЕ ПОДГОТОВКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

CREATION OF STUDENTS ENGINEERING BUROES IN COLLEGE AS THE CONDITION OF TRAINING OF COMPETITIVE SPECIALISTS

Аннотация. Рассматриваются вопросы повышения качества подготовки специалистов технического профиля в системе среднего профессионального образования. В качестве одного из условий их подготовки предлагается создание студенческого конструкторского бюро на базе колледжа при взаимодействии с его социальными партнерами.